

А.А. Сычев

Этическая система Тадеуша Котарбинского*

Сычев Андрей Анатольевич – доктор философских наук, профессор. Национальный исследовательский Мордовский государственный университет. Российская Федерация, 430005, г. Саранск, ул. Большевикская, д. 68; e-mail: sychevaa@mail.ru

В статье анализируются особенности этической системы польского философа Тадеуша Котарбинского. Выявлены ее неопозитивистские основания (стремление к преодолению религии и метафизики, апелляция к нравственным чувствам и интуиции) и евангельские истоки (этика милосердия). Рассмотрены основные характеристики независимой этики (универсализм, практический реализм, минимализм, последовательность, ориентация на моральное творчество). Автор ставит под сомнение декларируемую независимость этики Котарбинского, полагая, что совесть, занимающая центральное место в его этической системе, формируется в процессе воспитания, интериоризируя поступки, мнения, оценки людей, которые зависимы от определенного мировоззрения. Спорным моментом концепции Котарбинского можно считать и практический реализм, который предлагает удовлетворяться борьбой со злом вместо того, чтобы стремиться к добру. Практическая реализация такого идеала, скорее всего, привела бы к сведению духовных потребностей человека к минимуму, нивелированию амбиций и остановке социального развития. Тем не менее автор полагает, что этика Котарбинского имеет преимущества перед многими другими системами в тех профессиональных и прикладных сферах, где человек обязан оберегать зависимых от него людей – педагогике, социальной работе, сестринском деле. Принципы независимой этики Котарбинского, фактически представляющие программу морального воспитания, могли бы придать смысл проекту школьной светской этики. Наконец, идеи практического реализма могут использоваться в экологической этике, где положения Котарбинского представляются более перспективными, чем господствующие в системе отношений «человек-природа» принципы утилитаризма. Автор делает вывод, что независимая этика способна внести заметный вклад в совре-

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19–011–00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии». Funding: The reported study was funded by RFBR, project No. 19–011–00082 «Norm-creating of Morality, Law and Religion».

менные споры об универсальности и ситуативности, негативной и позитивной этике, внешнем авторитете и индивидуальном моральном творчестве.

Ключевые слова: Тадеуш Котарбинский, моральные нормы, независимая этика, практический реализм, заботливый опекун, универсализм, минимализм, моральное творчество

К истокам этических идей Котарбинского

Польский философ Тадеуш Котарбинский (1886–1981) хорошо известен своими работами в области логики, теории познания и методологии науки. Помимо прочего, в сфере его исследовательских интересов находились проблемы этики. В этой области он выступил в качестве не столько теоретика, сколько учителя морали, создателя оригинальной нормативной системы нравственного воспитания, оказавшей заметное влияние на духовную атмосферу Польши. Предложенные им идеи независимой этики, морального универсализма, практического реализма, этического минимализма, представляют интерес не только для истории этических учений; будучи созвучны многим современным исканиям в области морали, они активно используются в ведущихся сегодня дискуссиях о нравственном кризисе и путях его преодоления¹.

В автобиографическом очерке Тадеуш Котарбинский писал: «Я начал с этики. Система и стиль этики, в которой я воспитывался ребенком, была этикой евангелической, которая понималась как этика милосердия. Наверное, примерно лет в пятнадцать с сожалением, но радикальным образом я расстался с маревом религиозных обоснований морали, но будучи постоянно – и до настоящего времени – привязанным к ее упомянутому мотивационному содержанию, я искал для нее различные обоснования, обдумывая суггестии стоицизма, эпикуреизма, утилитаризма»².

В 1912 г. Котарбинский под руководством Казимира Твардовского защитил докторскую диссертацию «Утилитаризм в этике Милля и Спенсера» (в 1915 г. она была издана в виде книги). Отдельные этические проблемы также рассматривались в книге «Практические очерки» (1913) и в эссе «Утилитаризм и этика милосердия» (1914). Ранние сочинения Котарбинского не привлекли особого внимания публики и академического сообщества, что, впрочем, вполне соответствовало позитивистскому духу эпохи, провозглашавшей, что «о чем невозможно говорить, о том следует молчать»³. В научный оборот эти работы вошли лишь после их переиздания во второй половине XX в.⁴

В период между двумя мировыми войнами Котарбинский приобретает известность как представитель Львовско-Варшавской школы логического позитивизма, автор исследований по логике и семантике. Однако после Второй

¹ См.: *Galewicz W.* Spór o prymat walki ze złem // *Przegląd Filozoficzny*. Nowa Seria. 2017. No. 4. S. 227–242; *Krzos B.M.* The Possibility of a Moral Life without Religion in the Light of the Ethical Writings of Tadeusz Kotarbiński // *Roczniki Teologiczne*. 2016. T. LXIII. Z. 3. S. 57–66; *Simo H.* O etyce niezależnej Tadeusza Kotarbińskiego // *Analiza i Egzystencja*. 2019. No. 46. S. 75–93 и др.

² *Котарбинский Т.* Картина собственных раздумий // *Логос*. 1999. № 7. С. 95.

³ *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. Т. 1. М., 1994. С. 74.

⁴ *Kotarbiński T.* Wybór pism. T. I. Warszawa, 1957.

мировой войны (поставившей под вопрос многие классические представления о морали) он вновь обратился к проблемам этики.

Положения нравственной системы, выстроенной Котарбинским, в целом согласуются с неопозитивистскими воззрениями на место морали в науке и общественной жизни. Сама идея разработки этики, независимой от мировоззренческих обоснований, восходит, очевидно, к центральному постулату Огюста Конта о необходимости преодоления религиозных догм и метафизических спекуляций ради достижения позитивного знания. На этапе неопозитивизма стремление разработать подлинно научную этику спровоцировало всплеск интереса к исследованиям в области метаэтики (логико-лингвистического анализа языка морали) и дескриптивной этики (истории, психологии, социологии морали). Что касается проблематики нормативной этики, то она была либо сведена к эмпирическому наблюдению, анализу эмоциональных реакций людей на те или иные поступки и обобщению этих реакций в нормативные формулировки, либо обращена к моральной интуиции. Хотя научный статус положений нормативной этики сомнителен, она обладает определенной практической ценностью. Представляя собой руководство достойной жизнью, она способна дать ответы на вопрос о том, что должен делать человек для того, чтобы заслужить уважение со стороны окружающих.

С позиции неопозитивизма моральные суждения основываются не на фактах, а на нравственных эмоциях и потому принципиально не верифицируемы. Дж. Мур в результате тщательного анализа понятия «добро» пришел к выводу, что оно не определимо так же, как, например, понятие «желтое». Эти понятия, утверждает он, «не суть комплексы: они – простые понятия, из которых построены дефиниции и на которых заканчивается дальнейший процесс дефиниции»⁵. Человеку в вопросах морали в конечном счете остается полагаться только на интуицию (Котарбинский говорит в этом контексте о «голосе совести», «очевидности сердца»). Соответственно для неопозитивизма единственным легитимным моральным субъектом является индивид, самостоятельно устанавливающий содержание моральных ценностей, а источником нормотворчества является не внешний авторитет, а личный выбор. Котарбинский, в частности, отмечает, что независимость его этики выражается, в том числе и в том, что в ней «голос собственной совести нельзя заглушить чужим голосом»⁶.

Котарбинский разделяет понятие этики на этику в широком и этику в узком смысле. Этика в широком смысле есть система управления духовной жизнью человека, которая подразделяется на фелицитологию, праксеологию и собственно этику. Первая отвечает на вопрос о том, как следует жить, чтобы добиться счастья; вторая – на вопрос, как следует поступать, чтобы действия были эффективными; а собственно этика призвана дать ответ на вопрос, «как следует жить, чтобы быть порядочным человеком, жить честно и не в состоянии

⁵ Мур Джс. Принципы этики / Пер. с англ. Л.В. Коноваловой. М., 1984. С. 64.

⁶ Kotarbiński T. Zagadnienia etyki niezależnej // Kotarbiński T. Sprawy sumienia. Warszawa, 1956. S. 24.

позора»⁷. Все три обозначенные сферы тесно переплетены между собой и подразумевают друг друга: так, нельзя быть счастливым без уважения со стороны окружающих, нельзя считаться порядочным человеком, игнорируя чужое несчастье, наконец, не осознавая зависимостей результатов от характера действий, нельзя эффективно достигать морально значимых целей.

Говоря об этике в собственном смысле этого слова, Котарбинский отмечает, что

после длительного периода проб и ошибок у меня сформировался абрис этической системы, которую я называю независимой этикой, этикой практического реализма, этикой заботливого опекуна. Независимой эта этика называется потому, что для ее обоснования нет причины обращаться к аргументам из других источников, как только к оценкам эмоций, которые были выработаны в отношениях людей⁸.

Проект независимой этики изначально был предложен основателем Львовско-Варшавской школы К. Твардовским и, очевидно, восходит к идеям учителя Твардовского – Франца Brentano. В работе «О происхождении нравственного сознания» Brentano дал утвердительный ответ на вопрос «существует ли нравственная истина, преподанная самой природой независимо от церковного, политического и от всякого социального авторитета?»⁹. Независимая этика разрабатывалась и другим представителями школы (в частности, Владиславом Витвицким и Тадеушем Чезовским), но версия Котарбинского получила наибольшую известность.

Система независимой этики

Независимая этика, по мнению Котарбинского, независима в трех отношениях. Во-первых, это сугубо светская этика: она не зависит от религии. Моральные нормы и ценности традиционно опираются на религиозные положения, однако людям неверующим нужна такая этика, которая бы обходилась без подобного рода обоснований. Кроме того, утрата веры нередко ведет к мировоззренческому кризису, в результате которого могут пострадать и нравственные представления (нечто подобное произошло и с самим Котарбинским). В этом случае человеку может потребоваться этическая система, внятно объясняющая, что следует делать, чтобы остаться порядочным человеком.

Во-вторых, этика должна быть независима от философского мировоззрения. По мнению Котарбинского, ответы на правильно поставленные моральные вопросы не должны изменяться в зависимости от философской позиции – материалистических или идеалистических взглядов, представлений о структуре бытия или особенностях познания. Этика в этом смысле ближе не к философии (как типу мировоззрения), а к лечебному делу или администрированию,

⁷ Kotarbiński T. Zagadnienia etyki niezależnej // Kotarbiński T. Sprawy sumienia. S. 7.

⁸ Котарбинский Т. Картина собственных раздумий. С. 95.

⁹ Brentano Ф. О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. А.А. Анипко. СПб., 2000. С. 39.

действия которых не предполагают обязательных мировоззренческих обоснований. Иными словами, она должна согласовывать не доктрины (которые часто в силу их полярности невозможно согласовать), а правильные действия и представления о них (по поводу которых обычно бывает гораздо меньше серьезных разногласий).

В-третьих, независимая этика не должна зависеть от авторитетов и вообще всех чужих голосов и мнений, пытающихся подменить собой голос совести: человеку следует принимать решения самостоятельно и свободно.

Независимость этики от религии, метафизики и авторитетов должна, по мысли Котарбинского, помочь избавиться ее от относительности, обусловленной многообразием противоречивых доктрин, догматов и убеждений. Отказываясь от мировоззренческих «подпорок», Котарбинский возводит мораль к индивидуальной совести. Совесть – это голос, свободный от коллективного, идеологического, авторитарного давления:

Речь идет не о том, чтобы описывать то, что когда-либо считалось хорошим или плохим, а о том, чтобы выразить суть морального добра и зла, понимаемого в том смысле, в каком мы понимаем их здесь и сейчас. Речь идет о том, чтобы выделить голос нашей собственной совести в нынешнем ее состоянии. Можно предположить, что она в кругу читателей является общей. И можно просить сообща задуматься над тем, чего она требует, мысленно вглядываясь в наши собственные оценки¹⁰.

Котарбинский полагает, что голоса совести различных людей звучат в унисон, поскольку они формируются в идентичных условиях. Человек живет в ситуациях постоянных угроз со стороны природы и других людей. Для того чтобы преодолеть эти угрозы, ему необходима помощь других. Совесть, таким образом, оформляется в ситуациях, в которых слабому требуется защита сильного, ради чего последнему нередко приходится чем-то жертвовать.

В сходных ситуациях рождаются сходные представления о моральном характере. Голос совести реагирует уважением либо презрением на различные действия людей. Мы уважаем людей, которые способны стойко переносить боль, идти на жертвы ради других, соблюдать обещания, сдерживать себя, демонстрировать благородство. В той же мере мы презираем тех, кто из страха готов отказаться от своих убеждений, людей лживых, эгоистичных, безвольных, низких.

В итоге Котарбинский выстраивает такую систему оппозиций для моральных оценок: 1) отвага – трусость, 2) доброе сердце – эгоизм, 3) правота – ненадежность, 4) самообладание – отсутствие воли, 5) благородство – низкие мотивы.

Котарбинский предполагает, что такой подход к оценке поступков и качеств универсален, т. е. типичен для всех обществ и культур. Разница заключается лишь в акцентах: в ту или иную эпоху у тех или иных народов каким-то отдельным характеристикам из списка – как позитивным, так и негативным – придается большая важность, нежели другим. В целом же мораль едина и является

---

¹⁰ Kotarbiński T. Zagadnienia etyki niezależnej. S. 9.

общей для всех людей вне зависимости от эпохи или культуры. В той же мере не существует никакой необходимости привязывать ее к определенной религии или религии вообще. По-настоящему моральному – храброму, честному, благородному человеку не требуются потусторонние обоснования и обещания загробного воздаяния, чтобы защитить слабого или проявить самообладание. Точно так же нет никакой необходимости в обязательных обоснованиях моральных действий со стороны идеологии или в обязательных ссылках на авторитеты.

Следующим шагом Котарбинского является выявление единой позиции, объединяющей и обобщающей эту систему интуитивно выявленных оппозиций. Он пишет:

Что собственно импонирует нам с моральной точки зрения в позиции и поступках людей смелых, добрых, честных и благородных? Не за то ли мы уважаем их, что на них можно положиться как на опекунов? Что такой человек будет твердо стоять перед лицом опасности, обороняя тех, кто положился на его защиту; что он продемонстрирует достаточно воли, чтобы помочь другим выйти из тяжелой ситуации; что он, сказав, что сделает то, что нужно, выполнит свое обещание; что его не обольстит пение сирен и он не бросит ни поста, ни дома ради мимолетных развлечений, для удовлетворения элементарных желаний, для наркотика... Возможно тогда вполне оправданной покажется наша попытка свести воедино все выявленные нами смыслы, сказав, что уважения достоин заботливый опекун¹¹.

Таким образом, в позиции заботливого опекуна объединены все те качества, которые вызывают уважение людей. Напротив, тот, кто бросит подопечных в нужде, кто думает только о себе, легкомысленно относится к своим обязанностям и т. д. достоин презрения. На такого человека нельзя рассчитывать, поскольку он не способен защитить тех, за кого он отвечает.

Для характеристики достойного опекуна Котарбинский употребляет прилагательное «spolegliwy», дословно обозначающее характеристику того, на кого можно положиться. В русском языке соответствующего прилагательного нет, а наиболее близкими по смыслу являются понятия «заботливый», «надежный», «ответственный», «заслуживающий доверия» (собственно, подходящего слова не нашлось и в литературном польском языке, и Котарбинский использовал в этих целях диалектное прилагательное).

Слово «опекун» понимается Котарбинским предельно широко – как защитник, заступник. Опекун отвечает не только за несовершеннолетних, стариков, пациентов или других подопечных, неспособных позаботиться о себе. Он также не ограничивается близкими и отвечает за всех, кому способен помочь. Котарбинский предполагает, что в ходе исторического развития круг подопечных постепенно расширялся. Первоначально это были члены рода, которых нужно было защищать от разного рода опасностей, в том числе от агрессии других людей. Однако со временем человек стал осознавать, что те, кого он охраняет, схожи с теми, от кого он защищается, что их детей любят так же, как он любит своих, что враг, защищающий своих близких, также может быть достоин уважения. Часто люди вынуждены вступать в борьбу с другими

¹¹ Kotarbiński T. Zagadnienia etyki niezależnej. S. 14.

только потому, что не видят иных возможностей выжить. Для того чтобы сделать мир лучше, нужно попытаться сделать так, чтобы никто не был вынужден обеспечивать свое счастье за счет несчастья других. Если же это невозможно, то зло, причиняемое врагу не должно превышать минимально необходимого.

Иными словами, в ходе морального развития в круг тех, о ком следует заботиться, постепенно включаются не только родные, но и чужие, не только ближние, но и дальние, не только друзья, но и враги. В итоге объектами заботы становятся все люди, нуждающиеся в ней. Наконец, поскольку не только люди способны чувствовать боль и страдание, в этот круг включаются и животные. «Где начинается, а где заканчивается человечество в эмоциональном смысле? Что касается меня, я был бы рад причислить к человечеству собак, и не причислять их ловцов»¹².

Практический реализм в этике

При интерпретации требований совести неизменно возникает вопрос о том, в какой степени они должны выполняться. Иными словами, нужно ли стремиться к тому, чтобы соответствовать характеристикам заботливого опекуна в максимальной степени? Здесь, как говорит Котарбинский, совесть «требуется не рекордов, а солидности»¹³. Для того чтобы избавиться от ее угрызений, достаточно уже того, чтобы действия и качества человека не заслуживали презрения. Мы ценим и уважаем тех, кто совершает моральные подвиги, так же, как восхищаемся выдающимися художниками или спортсменами. Но, как мы не требуем от всех без исключения быть гениями или чемпионами, так же мы не можем требовать, чтобы все были святыми или героями и, тем более, выказывать презрение по отношению к тем, кто такими не является.

Для обоснования этих выводов Котарбинский вводит принцип практического реализма, согласно которому на реальность нужно смотреть трезво, учитывая, что у каждого действия есть свои пределы, что некоторые требования, какими бы благородными они не были, требуют чрезмерных усилий и жертв, что помимо высоких идеалов существуют и практические потребности. Человек должен ставить достижимые цели и учитывать ограничения, накладываемые реальностью на наши желания, четко осознавать иерархию ценностей и заранее планировать свои действия.

Некоторые идеи, касающиеся реалистичности, разработаны в трудах Котарбинского по праксеологии, обобщенных в «Трактате о хорошей работе» (1953). Здесь автор, в частности, пишет:

Идеалистически-романтически-утопически-фантастическое отношение к делу проявляется в стремлении разрабатывать проекты, не учитывая степень реальности их выполнения... При реалистическом же подходе к делу за образец

¹² Kotarbiński T. Aforyzmy i myśli. Warszawa, 1986. S. 14.

¹³ Kotarbiński T. Zagadnienia etyki niezależnej. S. 15.

берут то, что уже было реализовано, или то, что реализуется, при этом возможны модификации, возможность их реализации подвергается проверке»¹⁴.

В праксеологии, впрочем, говорится о достижении целей как таковых, в то время как для этики в узком смысле этого слова важно учитывать и характер целей: насколько достойными или недостойными они являются.

Предварительные соображения по поводу того, что следует признавать достойной целью, были сформулированы Котарбинским еще в ранних этических работах. Так, в эссе «Утилитаризм и этика милосердия» (1914) автор сосредоточился на критике классического утилитаризма с позиций этики милосердия. Одна из основных его претензий к утилитаристам касалась их чисто количественного подхода к расчету баланса между добром и злом, счастьем и несчастьем. Следствием такого подхода явилась неспособность увидеть качественные различия между действиями, ведущими к максимизации счастья, и действиями, способствующими минимизации несчастья. Между тем моральная интуиция утверждает обратное: я испытываю угрызения совести, если я не помог кому-то в несчастье, хотя и имел для этого все возможности, но не чувствую себя виноватым за то, что не сделал счастливого человека еще счастливее. Этика милосердия, по мнению Котарбинского, предпочтительнее в силу того, что жалость и сочувствие всегда ориентируют действие в сторону преодоления несчастья. Так, между положением, в котором один счастлив за счет несчастья другого, и положением, в котором счастливы оба, но в меньшей мере, утилитаризм не усматривает существенной разницы, в то время как этика милосердия однозначно выступает за искоренение всякого несчастья. Кроме того, этика милосердия придает страданиям других больший моральный вес, в то время как утилитаризм не видит принципиальных различий между моим несчастьем и несчастьем другого¹⁵. Эти идеи Котарбинского позднее оформились в положение о том, что нравственно обязывающим является преодоление несчастья другого, в то время как максимизация счастья является деятельностью, превышающей требования долга.

Практический реализм в этике сводится не только к разумному выбору реалистичных целей и лучших путей их достижения с принятием во внимание всех доступных возможностей. Он заключается также

в учете иерархии ценностей взглядов, согласно которым разумный человек должен делать выбор путей собственного развития. Не подрывать актуально терпимого уклада отношений, если их замена угрожает ухудшением. Не жаждать максимизации радостей ни в собственной жизни, ни в жизни зависимого от нас окружения, но заботиться об устранении беды и предостерегать от бед, ибо тем более значимым является поступок, чем большее зло он побеждает или чем от большего предостерегает зла¹⁶.

В контексте практического реализма моральные нормы, как правило, приобретают негативный характер. Так, основное требование практического реализма

¹⁴ Котарбинский Т. Трактат о хорошей работе / Пер. с польск. Л.В. Васильева, В.И. Соколовского. М., 1975. С. 156.

¹⁵ Kotarbiński T. Utylityzm a etyka liłości // Kotarbiński T. Wybór pism T. I. S. 178–185.

¹⁶ Котарбинский Т. Картина собственных раздумий. С. 95.

сводится к тому, чтобы не приносить удовольствие, а по мере возможности облегчать страдания всех существ, которым мы способны помочь: с этой точки зрения независимая этика минималистична. Каждый человек понимает удовольствие по-своему, в то время как страдания объединяют людей и вызывают сопереживание, жалость, на основе которых и возникает этика заботливого опекуна. Однако следует принимать во внимание, что не от всякого страдания следует избавлять человека (иногда нужно пострадать, чтобы потом получить удовольствие), а только от такого страдания, которое имеет статус несчастья.

В этом случае негативная норма будет звучать так: заботливый опекун должен стремиться к тому, чтобы не допускать несчастья. Требование осчастливить другого не является моральной обязанностью. Проблема достижения счастья вообще вынесена Котарбинским за пределы собственно этики – это вопрос фелицитологии, которой он специально не занимался. Владислав Татаркевич, посвятивший этому вопросу не одно исследование, отмечает, что на вопрос о том, как можно сделать людей счастливыми, нельзя ответить однозначно. Как он справедливо замечает, «понятие счастья трудноопределимо: во-первых, оно многозначно; во-вторых, определяется счастье идеальное, и только опосредованно и приблизительно оно соотносится с реальным; и в-третьих, оно является понятием двойственным, содержащим элемент субъективного наряду с объективным»¹⁷. Если вопрос о счастье нередко ставит людей в тупик, то свои нынешние или возможные несчастья им достаточно легко описать. Несчастье обычно конкретно, доступно прямому наблюдению, более понятно (не случайно в искусстве создано множество убедительнейших описаний ада, но не рая). В этом контексте из негативной нормы можно извлечь определенные ориентиры для действий, в то время как позитивная норма представляет явно абстрактное требование («Будь счастлив!»), которое можно трактовать по-разному.

В такое же негативное требование у Котарбинского трансформируется евангельская заповедь любви. Независимая этика в интерпретации Котарбинского не требует любить ближнего, а только лишь призывает отказаться от ненависти к нему. Заповедь любви к ближнему, включая врагов, по логике Котарбинского, не принимает в учет реальность. Большая часть верующих понимают, что они не способны подняться до высоты подобного подвига: они, собственно, даже и не пытаются претворить его в жизнь, воспринимая его как некую красивую абстракцию. Другие же, напротив, воспринимают эту заповедь слишком серьезно, фанатично желая осчастливить других даже против их воли. И в том, и в другом случае количество счастья в мире не прибавляется. Возможно, в отдаленном будущем любовь действительно станет нормой межличностных отношений, но в наше время, когда сложно встретить даже обычное дружелюбие, надеяться на всепрощающую любовь более чем нереалистично. Прежде, чем начинать любезно улыбаться друг другу, нужно научиться хотя бы не скалить зубы.

¹⁷ Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека / Пер. с польск. Л.В. Коноваловой. М., 1981. С. 46.

Ориентиры морального творчества

Идеи практического реализма и образ заботливого опекуна дают только общие ориентиры для принятия морально значимых решений. Они не способны дать точных указаний для решения проблем, возникающих в ситуации ценностных конфликтов. Что делать, если помощь одним наносит вред другим? Нужно ли помогать только порядочным людям или и тем, кто достоин презрения? Как следует относиться к врагам?

Котарбинский полагает, что отсутствие точных ответов для решения моральных дилемм – это совершенно нормальная ситуация для этики. Любая моральная система, как компас, должна задать направление, а выбор конкретного пути остается задачей для морального творчества самого субъекта, полагающегося на свою совесть. Не случайно предложенная Котарбинским этика позиционируется как независимая – если бы она давала однозначные директивы по каждому вопросу, она бы выродилась в мелочную казуистику.

Тем не менее, некоторые соображения по поводу разрешения ценностных конфликтов он высказывает. Делать выбор, полагает он, было бы легко, если бы всегда по одну сторону баррикад находились исключительно хорошие, а по другую – плохие люди. Однако в жизни все гораздо сложнее и нередко понять, чью сторону принять, очень тяжело. В этой ситуации нельзя дать никаких однозначных советов, кроме общей рекомендации не быть равнодушным. Нужно просто принять сторону и в дальнейшем поступать последовательно, в соответствии со своим выбором. Здесь, видимо, уместнее всего будет такая аналогия – если человек заблудился в лесу, он может никогда из него не выйти, если останется стоять на месте, будет метаться из стороны в сторону или ходить кругами. Лучшее, что ему можно в этой ситуации посоветовать – это выбрать четкое направление (если предпочтений нет, то все равно какое именно) и идти, не отклоняясь от него. Твердость и последовательность в любом случае предпочтительнее равнодушия и метаний.

Когда сторона выбрана, люди по ту сторону баррикад могут оказаться врагами, и тогда возникает ситуация «или – или». Котарбинский полагает, что в условиях борьбы с врагами порядочному человеку также необходимы моральные ограничения, которые он формулирует так: «ни одного удара сверх боевой необходимости»¹⁸.

Если перед нами стоит выбор помощи насильникам или их жертвам – ответ очевиден. Но нужно помнить, что и у тех, к кому мы относимся с презрением и негодованием, есть потребности, что нередко их поведение имеет объективные причины и можно изыскать способы помочь и таким людям стать лучше, изменить их мотивацию.

В жизни человек встречается с большим количеством подобных ситуаций и то, какой путь он выберет, в конечном счете зависит от него самого. Главное, чтобы его выбор согласовывался с голосом его собственной совести и чтобы человек в дальнейшем нес полную ответственность за свой выбор.

¹⁸ Kotarbiński T. Zagadnienia etyki niezależnej. S. 20.

Этике с этой точки зрения нельзя научиться, как, например, математике или физике. Котарбинский (который никогда не читал курс этики) писал: «Профессиональную трактовку преподавания этики я воспринимаю как нечто, что не согласуется с сущностью ее проблем, разве что вместо присущих ей вопросов, которые требуют проспективных, директивных ответов, будет культивироваться историческое и социологическое, экспликативное ознакомление исторически данных стилей и схем морали. Но это была бы уже не этика, а какая-то *science de mœurs*, которая в принципе выходила бы за рамки задач, присущих философской кафедре»¹⁹. Можно и нужно читать тексты выдающихся философов, но однозначных и правильных ответов именно на те вопросы, которые стоят перед нами здесь и сейчас, у Платона или Канта найти невозможно. Творцом конкретных норм является поступающий субъект. Последнее слово всегда и везде остается за его совестью.

Критика и перспективы

Идеи независимой этики, как писал сам Котарбинский, сразу после появления стали получать «удары равно как от традиционалистов, так и от революционеров»²⁰. Первые считают, что они оторваны от традиции и произвольны. Другие, напротив, не принимают универсальность, постулируемую независимой этикой на том основании, что этика всегда зависит от потребностей и взглядов определенной группы людей.

Саму независимость, декларируемую этикой Котарбинского, можно поставить под сомнение. Вполне очевидно, что она является одной из вариаций на тему евангельской этики (хотя и менее пафосной, более приземленной). Это этика милосердия, где делается акцент на жалости, а не на всепрощающей любви. В этом смысле она отражает картину мира человека, живущего в конкретном месте и в конкретное время, а не универсальную позицию человека как такового. Универсальный человек вне мировоззрения – это фикция, поскольку совесть не дается от рождения, а формируется в процессе воспитания, интериоризируя поступки, мнения, оценки людей, которые зависимы от определенного мировоззрения. Кароль Войтыла, один из первых критиков Котарбинского, писал:

Чтобы осмысленно говорить о независимой этике, чтобы построить ее программу, надо было бы сначала продемонстрировать, неопровержимо доказать, что человек есть независимое бытие. Ибо только такое бытие имело бы право на мораль, принципы которой определила бы ему независимая этика. Без этого программа независимой этики не является рациональной в своей основе²¹.

Не менее спорным моментом концепции Котарбинского является требование практического реализма, которое предлагает удовлетвориться борьбой

¹⁹ Котарбинский Т. Картина собственных раздумий. С. 96.

²⁰ Там же. С. 95.

²¹ Wojtyła K. *Elementarz etyczny*. Lublin, 1979. S. 104.

со злом вместо того, чтобы стремиться к добру. Таким образом, хотя независимая этика и позиционируется как свободная от метафизических обоснований, она фактически предполагает онтологическое первенство несчастья, страдания, т. е. зла. Собственно, наличие зла в мире и является источником для возникновения этики заботливого опекуна. Соответственно, человек здесь прежде всего понимается как жертва, существо страдающее, а не как творец, победитель. Заботливый опекун – это тот, кто борется с этим состоянием. Но каких-либо позитивных и амбициозных целей ему перед собой ставить не требуется.

Иными словами, главная задача практического реализма – не двигаться вперед, а пытаться не откатиться назад. Очевидно, что пессимизм Котарбинского по поводу бескомпромиссной борьбы во имя идеалов добра возник на фоне конкретных исторических событий второй половины XX в., когда «актуально терпимый уклад отношений» под лозунгами борьбы за высокие идеалы и всеобщее счастье был трансформирован в извращенный и невыносимый. Однако и консервация терпимого уклада, когда жизнь сводится лишь к тому, чтобы вечно бдить на посту и оберегать друг друга от бед, кажется не лучшим выбором. Практическая реализация такого идеала, скорее всего, привела бы к нивелированию больших амбиций и торможению духовного развития.

Тем не менее есть сферы, где этика Котарбинского имеет серьезные преимущества перед многими другими системами. Это, прежде всего, те профессиональные области, где человек обязан оберегать зависимых от него людей – педагогика, социальная работа, сестринское дело. Определенный потенциал независимая этика имеет и для врачебной этики, которая в своей основе базируется на том же принципе минимизации зла – «не навреди» (хотя в эпоху биоэтики зависимость пациента от врача, конечно, становится все слабее).

Независимая этика была задумана именно как альтернатива религиозной этике. Поэтому принципы независимой этики Котарбинского, фактически представляющие программу морального воспитания, могли бы придать смысл проекту школьной светской этики (по меньшей мере как-то структурировать его и избавить от идеологической нагруженности), тем более что они предельно понятны и просты.

Наконец, нельзя не отметить, что идеи, сходные с теми, что предполагает практический реализм, сегодня активно выдвигаются в экологической этике. Получивший широкое распространение принцип предосторожности предполагает возможный отказ от максимизации благ (в частности, увеличения потребления) и минимизацию рисков (включая запрет на развитие науки в определенных направлениях). Если из-за экологического (или другого сходного с ним по последствиям) кризиса человечество будет поставлено на грань выживания, этические принципы Котарбинского окажутся гораздо более реалистичными и полезными, чем господствующие пока в системе отношений «человек-природа» принципы утилитаризма. Рассмотрение того, как могут преломляться обязанности заботливого опекуна по отношению к природе, представляется достаточно перспективной задачей для экологической этики.

В целом следует признать, что независимая этика Котарбинского способна внести ценный вклад в современные споры об универсальности и ситуативности, моральном творчестве и внешнем авторитете, негативной и позитивной

этике и т. д. При этом ее потенциал выглядит особенно высоким применительно к потребностям профессиональных и прикладных этик. Что касается общих нормативных вопросов, ее несомненным преимуществом является, с одной стороны, внятность, простота и логичность требований, а с другой – широкий спектр возможностей, которые она в рамках этих ориентиров оставляет для самоопределения и независимого морального творчества индивида.

Список литературы

- Брентано Ф.* О происхождении нравственного познания / Пер. с нем. А.А. Анипко. СПб.: Алетейя, 2000. 186 с.
- Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // *Витгенштейн Л.* Философские работы / Пер. с нем. М.С. Козловой, Ю.А. Асеева. Т. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 1–74.
- Котарбинский Т.* Картина собственных раздумий // *Логос.* 1999. Т. 17. № 7. С. 94–98.
- Котарбинский Т.* Трактат о хорошей работе / Пер. с польск. Л.В. Васильева, В.И. Соколовского. М.: Экономика, 1975. 271 с.
- Мур Дж.* Принципы этики / Пер. с англ. Л.В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1984. 328 с.
- Татаркевич В.* О счастье и совершенстве человека / Пер. с польск. Л.В. Коноваловой. М.: Прогресс, 1981. 368 с.
- Galewicz W.* Spór o prymat walki ze złem // *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria.* 2017. Т. 104. No. 4. S. 227–242.
- Kotarbiński T.* Aforyzmy i myśli. Warszawa: PWN, 1986. 60 s.
- Kotarbiński T.* Utylitaryzm a etyka litości // *Kotarbiński T.* Wybór pism. Т. I. Warszawa: PWN, 1957. S. 178–185.
- Kotarbiński T.* Zagadnienia etyki niezależnej // *Kotarbiński T.* Sprawy sumienia. Warszawa: Książka i Wiedza, 1956. S. 5–24.
- Krzos B.M.* The Possibility of a Moral Life without Religion in the Light of the Ethical Writings of Tadeusz Kotarbiński // *Roczniki Teologiczne.* 2016. Т. LXIII. Z. 3. P. 57–66.
- Simo H.* O Etyce Niezależnej Tadeusza Kotarbińskiego // *Analiza i Egzystencja.* 2019. No. 46. S. 75–93.
- Wojtyła K.* Elementarz etyczny. Lublin: TN KUL, 1979. 106 s.

Ethical System of Tadeusz Kotarbiński

Andrey A. Sychev

National Research Mordovia State University. 68 Bolshevitskaya Str., Saransk, 430005, Russian Federation; e-mail: sychevaa@mail.ru

The article analyzes the ethical system of the Polish philosopher Tadeusz Kotarbiński. It examines its neopositivistic sources (the desire to overcome religion and metaphysics, an appeal to moral feelings and intuition) and biblical foundations (ethics of pity). The main characteristics of independent ethics (universalism, practical realism, minimalism, consistency, reliance on moral creativity) are revealed. The author questions the declared independence of Kotarbiński's ethics, believing that the conscience, which is central to his ethical system, is formed in the process of upbringing, internalizing actions, opinions, and evaluations of people who are dependent on a certain worldview. He also considers practical realism, which offers to fight evil rather than strive for good to be a controversial principle.

The practical implementation of such an ideal would most likely lead to minimizing a person's spiritual needs, leveling big ambitions and hampering spiritual development. Nevertheless, the author believes that the ethics of Kotarbiński has serious advantages in the professional and applied fields where a person has to protect dependent people – pedagogy, social work, nursing. The principles of Kotarbiński's independent ethics, which in fact represent a moral education program, could add meaning to a secular school ethics project. Finally, the ideas of practical realism can be used in environmental ethics, where the principles of Kotarbiński seem to be much more promising than the principles of utilitarianism prevailing today in the system of human-nature relations. The author concludes that independent ethics can make a significant contribution to contemporary disputes about universality and situationality, negative and positive ethics, external authority and individual moral creativity.

Keywords: Tadeusz Kotarbiński, moral standards, independent ethics, practical realism, reliable guardian, universalism, minimalism, moral creativity

References

- Brentano, F. *O proiskhozhdenii npravstvennogo poznaniya* [The Origin of our Knowledge of Right and Wrong], transl. by A.A. Anipko. SPb.: Aleteiya Publ., 2000, 186 pp. (In Russian)
- Galewicz, W. "Spór o prymat walki ze złem", *Przegląd Filozoficzny. Nowa Seria*, 2017, Vol. 104, No. 4, pp. 227–242.
- Kotarbiński, T. *Aforyzmy i myśli*. Warszawa: PWN, 1986. 60 pp.
- Kotarbiński, T. "Kartina sobstvennykh razдумii" [The Picture of my Thoughts], in: *Logos*. 1999, Vol. 17, No. 7, pp. 94–98. (In Russian)
- Kotarbiński, T. *Traktat o khoroshei rabote* [The Book of Efficient Action], transl. by L.V. Vasiliev, V.I. Sokolovskij. Moscow: Ekonomika Publ., 1975. 271 pp. (In Russian)
- Kotarbiński, T. "Utylityzm a etyka litości", in: T. Kotarbiński. *Wybór pism*, Vol. I. Warszawa: PWN, 1957, pp. 178–185.
- Kotarbiński, T. "Zagadnienia etyki niezależnej", in: T. Kotarbiński. *Sprawy sumienia*. Warszawa: Książka i Wiedza, 1956, pp. 5–24.
- Krzos, B.M. "The Possibility of a Moral Life without Religion in the Light of the Ethical Writings of Tadeusz Kotarbiński", *Roczniki Teologiczne*, 2016, Vol. LXIII, Issue 3, pp. 57–66.
- Moore, G. *Printsipy etiki* [Principia Ethica], transl. by L.V. Konovalova. Moscow: Progress Publ., 1984. 328 pp. (In Russian)
- Simo, H. "O Etyce Niezależnej Tadeusza Kotarbińskiego", *Analiza i Egzystencja*, 2019, No. 46, pp. 75–93.
- Tatarkiewicz, W. *O schast'e i sovershenstve cheloveka* [On Human Happiness and Perfection], transl. by L.V. Konovalova. Moscow: Progress Publ., 1981. 368 pp. (In Russian)
- Wittgenstein, L. "Logiko-filosofskii traktat" [Tractatus Logico-Philosophicus], in: Wittgenstein, L., *Filosofskie raboty* [Philosophical Works], transl. by M.S. Kozlova, Yu.A. Aseev, Vol. 1. Moscow: Gnozis Publ., 1994, pp. 1–74. (In Russian)
- Wojtyła, K. *Elementarz etyczny*. Lublin: TN KUL, 1979. 106 pp.